

Лит. газ. - 1994. - 15 июня. - с. 3

Путешествие из Владивостока в Москву

**А. Солженицын
встречается
с россиянами**

На земле Бамлага

К одному из старейших поселений дальней России, граду Благовещенску, ранним утром 7 июня подошел обшарпанный и немный пассажирский состав. Он весьма красноречиво символизировал обстановку запустения в нынешней России. Кто-то из журналистов съезжил такой поезд, дескать, как нельзя кстати мог подойти для съемки фильма "Бегство атамана Семенова в Маньчжурию"...

Впрочем, вагон, в котором ехал лауреат Нобелевской премии, выглядел вполне прилично, на всем пути следования от Хабаровска его сопровождал усиленный наряд российской милиции. Стражей порядка было полно и на перроне вокзала, как, впрочем, почитателей таланта, его единомышленников, журналистов, просто зевак, кто хоть однажды слышал имя Солженицына. Немало было и недругов, кто когда-то, в эпоху всеобщего "одобрения", хулил и клял писателя за его "вольные" книги, за гласные утверждения, что советская империя преступна и бесчеловечна.

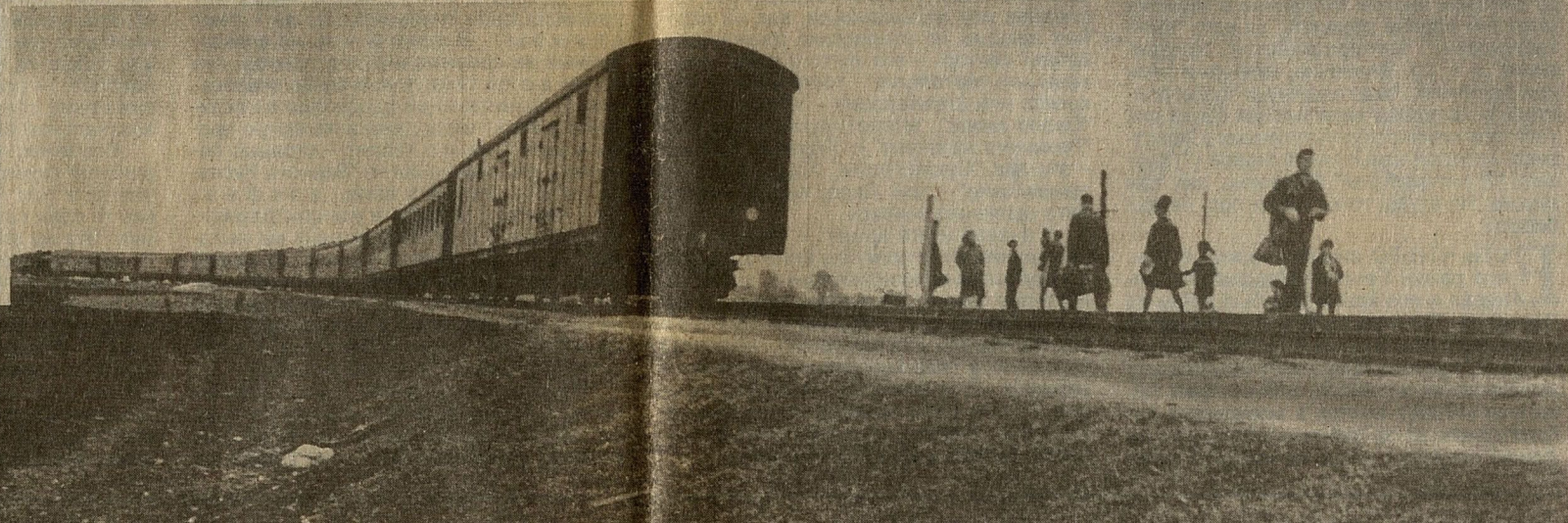
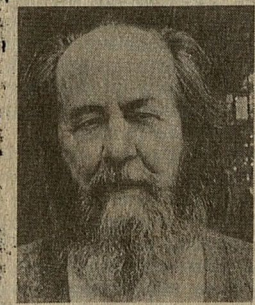
Многочисленная встреча растрогала Александра Исаевича. "Не ожидал, что меня в рань-ранскую придет встречать столько народу, - сказал он у ступенек вагона. - Спасибо всем амурцам за теплый прием".

От встреч с журналистами Солженицын отказался, заявив, что приехал сам спрашивать и получать ответы. В первые же часы пребывания на земле Бамлага и Амурлага, отобедав с губернатором Амурской области, гость встретился с представителями амурского казачества, церкви, побывал у пограничников, в старинном русском селе Марково, что стоит на берегу державного Амура. Сразу у села - красивая тихая протока. По-

просив журналистов, милицию и многочисленных сопровождающих оставить его одного, Александр Исаевич долго стоял в раздумье, размышляя о чем-то своем...

А на следующий день - прогулка на теплоходе по Амуру и поездка в Китай. Пересечение границы заняло полтора десятка минут. Китайский город Хэйхэ, где решил побывать писатель, прямо напротив Благовещенска.

Был очень удачный момент на теплоходе в спокойной обстановке пообщаться с писателем, показать ему кое-какие реликвии Бамлага. В свое время, лет пять назад, мне удалось "раскопать" в Благовещенске архив Бамлага - этого восточного лагерь архипелага ГУЛАГ. Зная, что такой архив есть, и именно в Благовещенске, я неоднократно обращался в КГБ, Министерство внутренних дел

СССР, отсюда, в том числе за подписью бывшего шефа ГБ Крючкова, приходили стандартные ответы, что архивов Бамлага в Благовещенске нет. В конце концов их двери удалось распахнуть - бесценные документы находились брошенными в грязном подвале. Потом была публикация в "Российской газете", старые реликвии перенесли в здание бывшего партийного архива. Автору этих строк "на память" досталось несколько бамовских талонов с пометкой "котел № 3".

Знал ли Солженицын, собирая материалы для "Архипелага ГУЛАГ" о Бамлаге, Амурлаге? Знал, конечно, ответил он. Но видеть архив не представилось возможным.

Через три дня Александр Исаевич ранним утром покинул Благовещенск. Перед отъездом в Иркутск он пожелал амурчанам творить свою судьбу, новую жизнь, порушенную, как он выразился, в 17-м году, самими, собственными руками, не доверяя политикам и политикам.

Николай БЕЛЫЙ
БЛАГОВЕЩЕНСК

Во что обойдется Би-би-си этот вояж?

МОСКВЕ приближается А. Солженицын. Все газеты, радио и ТВ держат нас в курсе событий на Транссибирской магистрали. Один сын писателя в Хабаровск прилетел, другой - отлетел, сам писатель изъявил желание посетить Китай, познакомиться с жизнью этого государства... Писатели из ближайшего окружения писателя от него не отходят, бросили все свои дела ради того, чтобы вернуть России ее гордость, ее изгнанную совесть.

Столь медленное продвижение железной дорогой стало возможным благодаря тому, что у МПС имеются вагоны-салоны, в просторечии их называют спецвагонами. Любимый человек может ехать в спецвагон и ехать туда, куда все, что касается России, в МПС сообщили, что А. Солженицын едет не в одном, а в двух

спецвагонах. В первом - сплошь купе на два и четыре места, во втором - частью купе, а частью именно салон, где стоят столы, стулья и есть место для автономного приготовления еды.

Министерство путей сообщения России обладает вагонами-салонами и высшей пробы, где салон оснащен всеми видами современной связи. Такие вагоны используют члены правительства и другие высшие должностные лица. Если едет президент, то ему подают именно такой вагон.

Солженицыну подали спецвагоны без спецсвязи. Эти два простых спецвагона были взяты в аренду у Московской железной дороги не самим писателем, а телерадиокорпорацией Би-би-си. Вагоны первым делом перегнали во Владивосток, где они поджидали, когда писатель

му что то, что сейчас происходит, требует от человека очень большой затраты физической и умственной энергии. Писатель совершает железнодорожные маневры для того, чтобы "встретиться с людьми". На этих встречах, которые происходят и на площадях, и в зале со сценой и президиумом, выступают для него, выступает он сам. По телевизору мы видели целые митинги, которые собираются стихийно в разных населенных пунктах вдоль Транссибирской магистрали. Это тяжелая работа, которая похожа на предвыборную кампанию американского президента. Она усложняется вечным присутствием телекамер. Возможно, они жужжат и во втором вагоне, спальном, потому что каждый миг возвращения писателя в Россию самоценен.

На съемки этого монофильма писатель согласился при одном условии: что в России лента будет показана бесплатно, а во все остальные страны ее можно продавать. Специалисты говорят, однако, что еще неизвестно, купила ли Би-би-си этот фильм вообще, потому что этапы большого пути снимают операторы российских Би-би-си. Би-би-си эти жесткие условия приняла.

Об этих условиях мы узнали, кажется, от самого писателя или от приближенных к нему, которые сейчас дают многочисленные интервью, так что голова кругом идет - кто, что, когда и где сказал. Важно, что в интервью, которое давал сам писатель (оно забыться не может), он говорил, что не собирается принимать участия в политической жизни России - он просто будет говорить, что думает, а члены партии и вообще все люди как хотят, так пусть его мысли и истолковывают. Он будет сеять, а что взрастет и кому придется убирать урожай - сеятелю уже не интересно. С помощью Би-би-си и МПС планы писателя обретают реальность.

Чтобы закончить с интервью и со всем, что там говорится, упомяну лишь интервью в "Известиях" (18 мая 1994 г.), которое давала жена писателя. Она не захотела назвать точной даты приезда писателя в Россию по той причине, что писатель хотел бы избежать шумихи - корреспондентов, всплеск магии, съемок, вопросов... Однажды в одном городе семья Солженицыных уже пережила такую встречу, пышность ее была в тягость. И этот план тихого и скромного возвращения также становится зримым.

Необходимо заметить еще, что съемки интересного фильма обойдутся Би-би-си недорого, так как в переводе с рублей с их строенными нулями на понятные доллары окончательная сумма на бумаге занимает совсем немного места - 28 000 долларов. Конечно, не исключено, что придется потратиться на "актерские" ставки, так как на экране предстанут, видимо, и друзья писателя, сопровождающие его в пути, и его родственники с рассказами об отце, муже, друге, учителе, однако во всех съемках обычно самое главное - транспортные расходы.

Но как бы ни казались малы затраты Би-би-си, по меркам МПС это немалое количество денег. Финансовая система МПС в отношении иностранцев открыто дискриминационная: билеты даже на обычные поезда им продают всегда дороже, чем россиянам. Вот и найм двух спецвагонов тридцати шести (36) российских пассажиров, вздумав они совершить путешествие из Владивостока в Москву с прогоном вагонов из Владивостока во Владивосток, обошелся бы всего в 28 800 000 рублей, в полтора раза меньше, чем Би-би-си. Кто скажет после этого, что тарифы на нашей железной дороге слишком высоки? А мы все жалуемся, что билеты нам не по карману. Чеховщина какая-то!

Предусмотрительная Би-би-си, вероятно, полагает, что и действительно снимает будущего президента России.

Вячеслав БАСКОВ

"Демократии сверху мы не дождемся"

"Ни лекций, ни пресс-конференций не будет, - заявил писатель, прибыв в Иркутск. - Я не просто отвечаю на вопросы, а слушаю мнения и воображения людей. И уже тогда мне естественно на них отвечать".

Все-таки Солженицын встретился с общественностью города. Это произошло в бывшем Доме политпросвещения бывшего обкома КПСС, стены которого помнят гневные эскапады партработников в его адрес. Собирались самые разные люди: и нынешние коммунисты, и радикальные демократы, и демо-христиане... Не вместились в зал стояли в коридоре и на улице, передавали друг другу слова писателя. Но, прежде чем сказать свое слово, Солженицын целый час слушал иркутян.

Отечественная война оказалась самым острым моментом состоявшейся дискуссии. Очень жестко, если не сказать жестоко, писатель констатировал: не могут считаться победителями потерявшие людей в 10 раз больше, чем противник.

При всей нынешней гласности и открытости с непривычной резкостью прозвучал и его ответ на вопрос, кто победил Россию: "Это не какие-то мasons, а наши отцы, деды и прадеды, привет-

ственно воспринявшие большевистский лозунг, "грабь награбленное". Мы дали разрушить цветущую страну, которая сегодня была бы несравненно по своему величию и благоденствию. Мы делали это 75 лет под коммунистическим флагом и продолжаем это делать сейчас, да еще как".

Горбачев, заявив о перестройке и гласности, семь лет хитрил, считает Солженицын. Никакой перестройки не произошло. А гласность была дарована не только для свободы слова, но и для похвастовства, разврата. А 60 миллиардов займов, учетверивших наши долги, - куда они делись? Я отказываюсь считать реформой действия Гайдара. Реформа - это строгая согласованность мероприятий, из которых каждое учитывает другие и определена их последовательность. Но не видны этапы, по которым мы собирались двигаться, не видна цель. Мы никогда не слышали об этом из Москвы. Внезапное освобождение цен? Конечно, при конкурентной борьбе это помогает: не можешь продать товар дороже, другой продаст дешевле. Но без конкуренции, при монополии это просто грабеж.

Ни в коем случае нельзя было разрушать все сверху и сразу. Надо было мед-

ленно-медленно изменять, оживлять экономику снизу. И прежде всего дать дорогу мелкому бизнесу. Выделить маленькие участки земли, открыть лавочки, организовать небольшие частные производства. Когда народ оденется лучше, начнет оживать система. Только снизу вверх, а не сверху вниз.

Солженицын спросил, во сколько он оценивает грабеж, о котором говорит. И он ответил: от 12 до 20 миллиардов долларов вывозят каждый год за границу темные деньги. А наше правительство на коленах выпрашивает у МВФ полтора миллиарда в долг. Солженицын выразил возмущение, что о борьбе с преступностью мы лишь говорим, но никто с ней по-настоящему не борется. "Преступность прорастает вверх".

Писатель считает, что нынешний строй вовсе не демократия и не демократизация, как мы постоянно говорим. Демократия - не легкий, а самый трудный способ управления. При ней каждый имеет волю к законопослушанию. У нас же этого нет. Уважения к имуществу - нет. Хозяйственная независимость гражданина - нет... У нас олигархия. Это правление замкнутой группы, которая создавалась из бывшей номенклатуры, сменившей посты. Из коммерсантов, которые выросли и получили силы благодаря темным деньгам, из преступного мира, который в последнее время уж слишком явно рвется к власти.

Но демократии сверху мы не дождемся. Зря сидели у телевизоров и ждали, когда на этих съездах она родится. Так не бывает. Но это не значит, что нужно слушаться и замолчать. Кое-что мы имеем. Это - выборы. Это оружие нам дали в руки. И уже никто не посмеет

его отобрать. Но Боже мой, как мы голосуем! Или за ту же номенклатуру. Или вообще не ходим. А наши референдумы? То проголосовали за сохранение Советского Союза, через полгода Украина - против. Как так можно, где же голова? Ругали реформы. Но прошел референдум - оказывается, все за. Это как понимать?

Пока мы не начнем строить территориальную демократию малых пространств, начиная с поселков, сел, районов, городов, пока мы снизу не начнем выбирать людей честных, скромных, мужественных, бескорыстных, которые не для себя выгадывают, а хотят потрудиться для народа, которые понимают, что власть - не привилегия, не жажда, а тяжелый долг... Пока мы таких не начнем выбирать и не сплотимся вокруг них - не выдать нам демократии, не увидим мы народолюбства.

Говоря о тех писателях, которых Александр Исаевич выделяет в современной России, он назвал Распутина, Белова, Астафьева.

И на встречах в Иркутске, и на Дальнем Востоке Солженицын не раз заявлял, что не будет вмешиваться в политику. Но вряд ли можно назвать сибирские и дальневосточные встречи и выступления Солженицына литературными вечерами. Вольно или невольно, но приезд писателя стал фактом политики, от которого уже никому не отмахнуться и степень влияния которого на нашу жизнь нам еще предстоит испытать.

Ольга БАТАЛИНА

ИРКУТСК

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Он привез собственное имя...

- Несколько лет назад по нему ходили слухи, но это быстро прошло, - пробурчала она.

Если учесть, что большинство книг Солженицына оставалось запрещенным вплоть до 1989 года, то взрыв его популярности во Владивостоке был действительно очень краток.

Я заметила, что в день прибытия Солженицына этот прилавок исчез и не появился все то время, пока писатель жил в гостинице.

Толпа из двух-трех тысяч человек, встречавших Солженицына в ночь его

прилета на центральной площади, не шла ни в какое сравнение с лавиной из десятков тысяч людей, ринувшихся на следующее утро на воскресный рынок. Солженицын получил первый урок нового российского капитализма.

- Сколько?! - в изумлении воскликнул он, когда услышал, что килограмм сосисок стоит десять тысяч рублей. - Когда я уезжал, они были значительно дешевле.

- Приходите завтра, - сказал общительный продавец. - Они станут еще дороже.

В то время как писателя осаждали толпы журналистов и фоторепортеров,

местное население, похоже, не проявляло особого интереса к своему знаменитому соотечественнику, а сосредоточилось на покупках. В одном месте группа поклонников Солженицына попыталась пересечь длинную очередь, чем вызвала негодование крики: "Уберите этого парня!", "Он хочет влезть перед нами!"

Что происходит? - спросил один продавец другого, глядя на толпу журналистов и операторов.

- Наверное, кого-то арестовали, - ответил ему сосед, и они тут же забыли об этом и вернулись к своим делам.

Его первые выступления во Владивостоке почти дословно воспроизводят целые абзацы из его работы "Как нам обустроить Россию". Тщательно выверенная интонация свидетельствует о глубоком знании текста.

Солженицын привез с собой никаких необыкновенных решений, никаких конкретных планов. Он привез только гневные речи и злоую критику, задиристый тон и собственное имя. Он несколь-

ко раз повторил, что приехал помочь своим согражданам выбраться из тисков, в которой страна находится целых семьдесят пять лет.

На западных журналистов первые шаги Солженицына по родной земле не произвели особого впечатления.

- Он опасен, - пробормотал британский журналист, сидя в баре после пресс-конференции.

- Он себе на уме, - подхватил другой.

- Вообще-то не думаю, что кто-нибудь станет слушать его, - с надеждой в голосе заметила я.

Изгнанник вернулся домой, чтобы спасти Россию. Но страна, в которую он сейчас возвратился, уже не та, из которой его выдворили двадцать лет назад. Смогут ли он понять новую Россию? Смогут ли он найти общий язык с ее народом? И захочет ли Россия принять план спасения, который ей предлагает Солженицын?

Джин МАККЕНЗИ
("Москву таймс")

ГРУППА западных журналистов приехала во Владивосток в дождливый четверг, за день до того, как туда должен был прилететь великий Солженицын. Похоже, местное население было несколько шокировано таким наплывом иностранных корреспондентов.

- Завтра прилетает Солженицын, - важно сообщил мне шофер такси по дороге из аэропорта.

Я спросила, что он думает по поводу этого события.

- Мне кажется, для него это хорошо, - ответил он. - Столько лет провести в ссылке на Волге, да еще если к тебе не допускают западных дипломатов.

- По-моему, туда был послан Сахаров, - осторожно заметила я. - Солженицын - писатель.

Он сдвинул брови в раздумье, и наконец его лицо снова прояснилось.

- Это не то, что написал сценарий к фильму "Иван Васильевич меняет профессию"?

- Нет, это тот, что написал "Один день Ивана Денисовича", - ответила я, с трудом подавив смех.

- Не видел, - буркнул он в ответ...

Я приехала в гостиницу "Владивос-

ток", представляющую собой довольно ветхое здание, в котором должен был разместиться Солженицын со своей свитой, согласившись на вынужденное соседство с журналистской братией, несметным количеством подозрительных личностей в спортивных костюмах и небольшим взводом проститутток. В краях не было горячей воды, потому что как раз в те дни ремонтировали трубы.

В вестибюле я заметила книжный прилавок и подошла посмотреть, что там продается. Мне попалось традиционное собрание сочинений Джеймса Хэдди Чейза, рекомендации по эротическому массажу, "Ваша собака", словари английских деловых терминов... И я подумала, как бы отнесся ко всему этому человек, который однажды назвал западную массовую культуру "навозной жижей", если бы увидел, что эта самая "жижа" благоухает на книжном прилавке в его гостинице.

- У вас есть что-нибудь из книг Солженицына? - спросила я продавца. Ответом мне было пожатие плеч и равнодушный взгляд.

- А бывает? - упрямо продолжала я.